

той» — картинами и скульптурами и сравнивают их с живой природой («совсем как живые!»), а одушевленную красоту сопоставляют с творением мастеров («будто вылеплен скульптором»). Как истые византийцы, авторы романов восторгаются «чистой красотой» и гармонией линий, но равнодушны они и к материальной ценности описываемых предметов и драгоценностей. В произведениях, созданных в ортодоксально-христианской Византии, почти не удастся обнаружить христианского элемента. . . Мы привели только несколько тем и наблюдений из книги, чтобы проиллюстрировать характер и широту проблем, поднятых вопросов.

Разнородность образов, идей, фона романа, художественная ткань которого соткана из элементов разных систем и традиций, постоянно и непременно отмечается А. Д. Алексидзе, и в то же время, как утверждает автор, «какими далекими ни казались бы от социальной проблематики рыцарские романы, в них находит отражение суть феодальных отношений, классовая позиция авторов». Последний тезис не декларируется, а доказывается в исследовании. Связь с эпохой усматривается не в отдельных случайных приметах времени, а в самой художественной системе, структуре и иерархии образов. Подобные связи с действительностью уже прежде устанавливались для западно-европейского романа, ныне они аргументированно констатируются для романа византийского.

Проникновение в «мир греческого романа» напоминает попытки решить уравнение с многими неизвестными. Мы не знаем точно, когда романы писались, не знаем в большинстве случаев их авторов, почти не знаем, кто был их читателем и как этот читатель их воспринимал. В распоряжении современных исследователей только тексты произведений и неограниченные возможности для выискивания параллелей и построения гипотез. Этими возможностями А. Д. Алексидзе широко пользуется, хотя и предвидит все препятствия и трудности, которые его ожидают. Стремясь объяснить многие особенности романа спецификой «средневекового мышления», он задается вопросом, что это «средневековое мышление» собой представляет, а в начале итоговой и принципиально важной для книги главы «Художественное видение» четко говорит о трудности разграничения того, что является фактом поэтического мышления, и того, что является формой выражения средневекового мышления как такового. Как известно, само осознание трудности имеет в науке весьма немаловажное значение.

Некоторые из положений книги остаются гипотезами, доказать которые при нынешнем состоянии науки вообще невозможно. Но гипотезы вовсе не противопоказаны исследованиям по византийской литературе. Если в других областях литературоведения нет недостатка в смелых концепциях, подчас далеко уводящих от реальных фактов, то в сфере византиноведения они редкость и нужны хотя бы как своего рода схемы, чтобы систематизировать и предварительно объяснить богатейший материал, еще очень мало осмысленный учеными.

Я. Н. Любарский

Г. К. Гозалишвили. К вопросу об этническом происхождении династии Комнинов. — «Мнатоби», 1972, № 8, с. 116—139 (на груз. яз.).

Основной целью рецензируемой статьи является доказательство принадлежности династии Комнинов к грузинской этнической среде. Г. К. Гозалишвили исходит из им же неоднократно выдвигаемого положения, что жителями Каппадокии являлись грузинские племена (мосхи, чаны и др.) и термин «каппадокийцы» равнозначен термину «грузины»¹. Он пытается доказать, что Комнины по своему происхождению были каппадокийцами, следовательно, грузинами.

Заранее надо оговориться, что разбор всех многочисленных аргументов автора здесь невозможен. Поэтому мы выделили лишь основные пункты, которые и сам автор считает главными.

Поскольку исходной точкой зрения для отнесения Комнинов к грузинской этнической среде является их каппадокийское происхождение, в первую очередь остановимся на этом тезисе и посмотрим, как Г. К. Гозалишвили доказывает его.

¹ *Гозалишвили Г. К.* Митридат Понтийский. Тбилиси, 1965; *он же.* Два этюда из прошлого Понта и Каппадокии. Тбилиси, 1967.

Г. К. Гозалишвили начинает с заявления, что, как известно, и род Дуков, и Комнины происходили из Малой Азии, и тут же продолжает: «Согласно исследованию Ф. Успенского, Комнины происходили из г. Команы, где у них были родовые поместья. По его (Ф. И. Успенского. — *Н. Л., Г. Г.*) словам: из Понтийской Команы (ныне Токат) между Синопой и Трапезунтом. . . (с. 116). Далее, отметив, что у Анны Комниной нет сведений о происхождении Комнинов и она отсылает читателя к «Запискам» Никифора Вриенния, Г. К. Гозалишвили обращает внимание на следующий эпизод, описываемый Вриеннием: во время борьбы с восставшим Урселием Алексей Комнин занял Амасию и посетил своего родственника (двоюродного брата) Феодора Докиана. Прогостив у него три дня, Алексей отправился по направлению к Понтийскому морю. «Находясь близ Кастамона, он пожелал видеть дом своего деда. . . войдя в дом и найдя его необитаемым, он проливал слезы и вздыхал, вспоминая своих предков» (*Nic. Br.*, II, 24—26).

На основании этого рассказа делается заключение: «Таким образом, по Никифору Вриеннию, предки Комнинов были из Кастамона (или его окрестностей), который находился в Пафлагонии» (с. 116). Г. К. Гозалишвили предлагает теперь уже два варианта решения вопроса о происхождении Комнинов: согласно одному, они происходили из Команы Понтийской (Успенский), по второму — из Пафлагонии (Вриенний).

Г. К. Гозалишвили здесь же делает оговорку, что Успенский не указывает, на чем он основывает свой вывод, поэтому трудно отдать предпочтение одному из вариантов; но дальше, ссылаясь на «эрудицию и академическую добросовестность» Успенского и на «большое доверие, которым пользуются его капитальные труды среди ученых», автор все же отдает предпочтение мнению Ф. И. Успенского, считая, что последний «без основания не приписал бы Комнинам их происхождения из Команы». Поэтому Г. К. Гозалишвили делает заключение, что «Комнины происходили из Команы» (с. 117).

Однако он понимает, что вряд ли Вриенний, весьма близкий Комнинам человек, мог допустить ошибку в определении места их происхождения, и полагает, что, возможно, в источнике, используемом Вриеннием, была допущена ошибка: посещение Алексеем дедовского дома ошибочно было связано с его проездом через Пафлагонию, и этот факт (т. е. посещение дома) имел место раньше, еще в Каппадокии. Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, «что у Анны Комниной, пользовавшейся трудом Вриенния, при изложении этих событий факты и места действий перепутаны, что заметил и Я. Любарский». Здесь же дается ссылка на с. 444 изданной Я. Н. Любарским «Алексиады» (с. 117).

Далее идет пересказ соответствующего места из «Алексиады», где последовательность событий иная, чем у Вриенния: закончив дела в Амассии, Алексей, «повернув коня, направился в царственный город»; очутившись по дороге в городе своего деда, Алексей здесь отдохнул и здесь же совершил чудо, т. е. «вернул» зрение мнимо ослепленному Руселю (Урселию Вриенния; у Вриенния это совершается в доме Докиана); уже после этого идет описание встречи Алексея с Докианом. Вновь ссылаясь на Я. Н. Любарского, отмечающего, что у Анны последовательность фактов нарушена, Г. К. Гозалишвили тут же пишет, что упомянутый Анной «царственный город» Я. Н. Любарский отождествляет с Кастамоном в Пафлагонии (ссылка на ту же с. 444). Затем идет довольно неожиданное рассуждение: 1. Последовательность фактов нарушена у Вриенния (!), и то, что последний считает происшедшим в Кастамоне (т. е. посещение дедовского дома. — *Н. Л., Г. Г.*), в действительности произошло раньше, в Каппадокии. 2. Анна Комнина не называет ни имени города деда Алексея, ни места его расположения и после этого продолжает рассказ о Руселе и о том, что произошло в доме Докиана. Следовательно, осмотр дома деда не связан с г. Кастамоном, он произошел раньше, на территории Каппадокии (с. 117).

После этого Г. К. Гозалишвили доказывает, что «царственный город», упоминаемый Анной, — это Комана, а не Кастамон, как, по его мнению, считает Я. Н. Любарский, ибо такое название не подходит для Кастамона и вполне соответствует Комане. Для подтверждения своей мысли автор приводит описание Команы из «Географии» Страбона и тут же высказывает предположение, что «Комана может быть тем местом, где, согласно Страбону, находилось и святилище Левкотей» (с. 118). Высказав такое предположение, Г. К. Гозалишвили цитирует сведения Страбона о Левкотее, которая

находится в стране мосхов, затем — сведения того же Страбона о стране мосхов и, наконец, переходит к выводам.

Раз Комана — та же Левкотей, первая названа в Каппадокии, а вторая — в стране мосхов, значит Каппадокия и страна мосхов — одно и то же; поскольку Страбон пишет что на обширной территории Каппадокии говорят на одном языке, значит это язык мосхов, а под основными жителями Каппадокии следует подразумевать мосхов, т. е. грузинское племя месхов. «Таким образом, — пишет Г. К. Гозалишвили, — создается довольно прочное основание для того, чтобы считать Комнинов происходящими из упоминаемого Анной «царственного города» Команы, как это отмечал Ф. Успенский». «Можно заключить, — продолжает автор, — что Комана находится в Каппадокии — в стране мосхов, ее жители — мосхи и происходящие отсюда Комнины, которые в источниках не фигурируют как греки, принадлежали к той же этнической среде» (с. 118).

Мы привели столь пространный пересказ рецензируемой статьи, чтобы читателю стали понятны метод исследования и способ аргументации, характерные для ее автора. Теперь рассмотрим более подробно эти рассуждения.

Прежде всего — относительно мнения Ф. И. Успенского о происхождении Комнинов из Команы Понтийской. Никто не собирается оспаривать «эрудицию и академическую добросовестность», а также большой авторитет Ф. И. Успенского, но поскольку сам он не приводит никаких аргументов, ничем не обосновывает свое предположение, такое декларативное заявление, даже если оно принадлежит Ф. И. Успенскому, не может считаться основанием для определения происхождения Комнинов. Но, может быть, следующие затем рассуждения Г. К. Гозалишвили содержат что-либо, подтверждающее мнение Ф. И. Успенского? Сразу же должны сказать, что весь этот пассаж полон такими ошибками и неточностями, что он ни в коей мере не может способствовать выяснению поставленного вопроса.

На основании рассказа Вриенния о том, что дом деда Алексея находился в Кастамоне, Г. К. Гозалишвили делает вывод, что согласно Вриеннию, предки Комнинов происходили из этого города или его окрестностей. Однако у Вриенния нет ни слова о происхождении Комнинов, он говорит лишь, что в Кастамоне находился дом деда Алексея (*Nic. Br.*, II, 26). Разве иметь где-либо дом, или поместье значит непременно происходить отсюда же? Известно, что византийские феодалы имели поместья в различных областях империи. Дед Алексея, сам Алексей, да и любой из Комнинов мог иметь земли и в Пафлагонии, но это отнюдь не значит, что они происходили из этих мест².

Однако и самого Г. К. Гозалишвили не устраивает пафлагонское происхождение Комнинов, ему нужно, чтобы они были из Каппадокии; поэтому он пытается доказать, что у Вриенния перепутана последовательность фактов и что дом деда Алексея в действительности находился в Каппадокии; при этом он ссылается на Я. Н. Любарского.

Между рассказом Вриенния и Анны Комниной действительно есть различия в последовательности событий, но Я. Н. Любарский убедительно показывает, что последовательность событий нарушена именно Анной, а не Вриеннием³. Почему, доказывая совершенно противоположное, Г. К. Гозалишвили ссылается на Я. Н. Любарского, нам непонятно.

В тексте Вриенния нет никакого нарушения последовательности: Алексей Комнин, направляясь из Амасии на запад и проезжая через Пафлагонию, посещает здесь своего двоюродного брата Феодора Докиана⁴; погостив у него три дня, он продолжает путь и, находясь близ Кастамона, посещает дом деда, а затем уже прибывает в Гераклею, откуда морем переправляется в Константинополь (*Nic. Br.*, II, 24—27). Анна Ком-

² Кстати, именно так понимал это указание Вриенния и Ф. Шалавдон; считая Комнинов происходящими из Македонии, он, ссылаясь на Вриенния, допускал, что у Комнинов были поместья и в Пафлагонии, под Кастамоном (*Chalandon F. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène. Paris, 1900, p. 21*).

³ Любарский Я. Н. Об источниках «Алексиады» Анны Комниной. — ВВ, XXV, 1964, с. 104—105; Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, с. 444, прим. 53.

⁴ Таким образом, и Феодор Докиан живет в Пафлагонии, а не в Каппадокии, как это кажется Г. К. Гозалишвили, однако он вообще опускает это указание Вриенния (*Nic. Br.*, II, 25).

нина пишет, что после пленения Руселя, Алексей, «повернув коня, направился в царственный город». Что это за «царственный город»? Г. К. Гозалишвили утверждает, что Я. Н. Любарский считает «царственным городом» Кастамон, но не согласен с ним и отождествляет его с Команой. Во-первых, Я. Н. Любарский не считает «царственным городом» Кастамон: прим. 53 на с. 444 издания «Алексиады», на которое ссылается Г. К. Гозалишвили, относится не к «царственному городу», а к словам — «в городе своего деда». Во-вторых, все, кто знаком с византийскими источниками, знают, что под названием «царственный город» или «царица городов» подразумевается лишь Константинополь. Кстати, тот же Я. Н. Любарский чуть выше (с. 439, прим. 18) прямо пишет: «Царственный город, царица городов — так византийцы называли Константинополь».

Таким образом, является недоразумением сам поиск «царственного города» и, тем более, его отождествление с Команой. Вообще, при чем тут Комана, совершенно непонятно. Г. К. Гозалишвили даже не замечает, что он и Ф. И. Успенский говорят о различных Команах: Успенский говорит о понтийской Комане как о предполагаемой родине Комнинов, уточняя, что это — современный Токат, Г. К. Гозалишвили же цитирует описание Страбона совершенно другого города — Команы в Великой Каппадокии, т. е. совр. Ельбистана (Ель-Бостан)⁵. Между этими городами расстояние более 200 км. Абсолютно исключена также идентичность святилища Левкотеи с какой-либо из Коман, тем более с той, которую описывает Страбон, Ведь контекст Страбона совершенно определенно указывает на то, что святилище Левкотеи находится где-то в Колхиде, точнее, в той части страны мосхов, которая принадлежит Колхиде⁶. Между Колхидой же и Команой — огромное расстояние.

Не имеет отношения к делу и грузинское племя мосхов, т. е. месхов. То, что Страбон говорит о стране мосхов, никак не может относиться к Комане (ни к понтийской, ни к каппадокийской). Страбон помещает эту страну между Колхидой, Иберией и Арменией, причем отмечает, что она в его время была разделена между этими государствами⁷. Совершенно ясно, что здесь имеется в виду именно та область, которая и в последующие времена в грузинских источниках именовалась областью Месхети, т. е. Юго-Западная Грузия⁸.

Следовательно, все рассуждения и выводы Г. К. Гозалишвили оказываются несостоятельными. Он ничем не смог подкрепить предположение Ф. И. Успенского о том, что Комнины происходили из Команы. Не доказано вообще каппадокийское происхождение Комнинов и тем более — их связь с мосхами-месхами.

Предположение Ф. И. Успенского можно было бы принять за рабочую гипотезу, если бы у нас не было никаких сведений о происхождении Комнинов. В действительности же мы имеем определенные и заслуживающие доверия указания об их родине. Так, известный ученый и политический деятель XI в., современник Исаака Комнина, Михаил Пселл пишет: «Этот знаменитый Исаак происходил из деревни Комне, как Филипп из Пеллы, и он (т. е. Исаак) прославил свою родину и страну, сперва как военачальник, а затем и своим царствованием»⁹. Иоанн Кантакузин указывает, что Комнины происходили из местности недалеко от Адрианополя, в равнине р. Тунджи (παρὰ τὴν Τοῦτζην ὀνομαζόμενον ποταμὸν)¹⁰. На основании этих сведений ряд исследователей уже давно считает, что Комнины происходили из местечка Комна, расположенного близ Адрианополя (совр. Эдирне), на берегу р. Тунджи¹¹.

Примечательно, что Г. К. Гозалишвили ни словом не обмолвился об этих указаниях первоисточников и лишь в примечаниях (прим. 26, с. 136), между прочим, отметил: «В научной литературе было высказано предположение, что Комнины происходят из села Комна в Македонии (Murna, L'origine des Comnènes), но, как отмечает Любарский, это не подтверждается источниками». Во-первых, создается впечатление, что

⁵ *Strabo*, XII, 2, 3; ср. *Страбон*. География. М., 1964, с. 883.

⁶ *Strabo*, XI, 2, 17—18.

⁷ *Ibid.*, XI, 2, 18.

⁸ *Меликишвили* Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 104.

⁹ *Sathas C. Bibliotheca Graeca medii aevi*, IV. Paris — Athènes, 1874, p. 407.

¹⁰ *Ioannis Cantacuzeni imperatoris historiatum libri IV*, vol. I. Bonnae, 1828, p. 508—509.

¹¹ *Chalandon F. Op. cit.*, p. 21.

о происхождении Комнинов из Македонии высказано предположение лишь в научной литературе, а в первоисточниках об этом нет ни слова. Во-вторых, Я. Н. Любарскому опять приписывается то, чего у него нет: Любарский говорит как о необоснованной о попытке Г. Мурну считать род Комнинов валахским, но отмечает, что, по мнению Мурну, Комнины происходили из села Комна в Македонии¹².

Таким образом, два историка, из которых один — Михаил Пселл — современник Комнинов, а другой достаточно хорошо информирован, утверждают, что Комнины происходили из Македонии, и точно указывают место их родины. Нет никаких оснований ставить под сомнение это указание, и большинство ученых принимает эту точку зрения¹³. Следовательно, не существует никаких оснований считать, что Комнины были вообще из Малой Азии и тем более из Каппадокии.

На этом мы могли бы закончить нашу рецензию: раз нет основания считать, что Комнины происходили из Каппадокии, сам собой снимается и тезис об их принадлежности к грузинской этнической среде. Но мы все же считаем нужным остановиться на некоторых других аргументах, которые Г. К. Гозалишвили приводит для подтверждения своей гипотезы.

Он уверяет, что в «византиноведческой литературе Комнины механически, автоматически подразумеваются греками, хотя в первоисточниках не содержится каких-либо сведений и указаний на их греческое происхождение» (с. 119, подчеркнуто нами. — *Н. Л., Г. Г.*).

Автор опять вводит читателя в заблуждение. Дело в том, что в источниках имеется такое, и довольно определенное, указание. Уже приведенное место из Михаила Пселла указывает на греко-македонское происхождение Комнинов: Исаак Комнин прославил свою родину и страну, т. е. Македонию; не случайно сравнивается он также с Филиппом Македонским. Византийский хронист XV в. Лаоник Халкокондил прямо говорит, что Комнины были греками. Рассказывая о воцарении Алексея Комнина в Трапезунде в 1204 г., Лаоник Халкокондил пишет: «И начиная с того времени царствуют они (Комнины. — *Н. Л., Г. Г.*) до наших дней, эллины по племени и сохраняющие эллинские обычаи и язык»¹⁴.

Справедливости ради следует сказать, что в другом месте, на с. 125, Г. К. Гозалишвили признает, что Лаоник говорит о греческом происхождении Комнинов, но очень легко разделяется с этим, нежелательным для него свидетельством источника. Никак не обосновывая свое мнение, он заявляет, что это указание Лаоника — следствие «влияния той традиции, согласно которой Комнины считались греками» (с. 125). Но если нет «никаких сведений и указаний на греческое происхождение Комнинов», на каком основании сложилась эта традиция? Значит, и Михаил Пселл следует той же традиции?

Но все же Г. К. Гозалишвили как-то пытается обосновать свое отношение к данному указанию Халкокондила. Он пишет: «Бежавший сын казненного императора не нашел бы так легко среди населения колхидских земель поддержки и высочайшей власти, если бы Комнинов и это население не связывало этническое единство. Возведение бежавшего царевича в правители Колхиды основывалось именно на этническом родстве» (с. 125). Наивно представлять себе воцарение Алексея Комнина в Трапезунде так, будто после гибели отца Алексей прибыл в область Трапезунда, и местное население, узнав, что он по происхождению грузин (или моск? чав?), тут же избрало его своим царем. Ведь Г. К. Гозалишвили, мы уверены, прекрасно знает, каким сложным политическим процессом было основание Трапезундской империи и что власть Комнинам была дана не местным населением, а царицей Грузии Тамар, причем двор Тамар руководствовался в первую очередь далеко идущими политическими соображениями, а не этническими и родственными моментами¹⁵.

¹² *Анна Комнина*, с. 463.

¹³ См.: *Chalandon F.* Op. cit., p. 21.

¹⁴ *Laonici Chalocandylae* historiarum demonstrationes, rec. E. Darkó, vol. I. Budapestini, 1922, I, 9: ...'Ελληνάς τε ἄντας τὸ γένος, καὶ τὰ ἦθη τε ἅμα καὶ τὴν φωνὴν προεμέ-νος 'Ελληνικῆν».

¹⁵ См.: *Джавалишвили И. А.* История грузинского народа, кн. II. Тбилиси, 1965, с. 381—382; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, с. 600—601.

Одним из основных аргументов, который, по мнению Г. К. Гозалишвили, со всей очевидностью доказывает грузинское происхождение Комнинов, является рассказ Анны Комниной о взаимоотношениях Алексея и Исаака Комнинов с императрицей Марией перед восшествием Алексея на престол. Анна рассказывает, что, когда сыну императрицы Марии, Константину Дуке стала грозить опасность потери престола, Мария сильно опечалилась, к ней явились братья Комнины и выказали сочувствие, предлагая открыться им; на это Мария ответила горестными словами о своем одиночестве, о том, что «жизнь на чужбине для нее — достаточный источник страданий» и т. д.¹⁶

Г. К. Гозалишвили считает этот диалог достойным внимания, так как трудно якобы представить себе, что византийская императрица стала бы жаловаться «чужимой людям и притом грекам», поверять им свои сокровенные чувства, и в частности, жаловаться на одиночество и удаленность от родины. «Как видно, — пишет Г. К. Гозалишвили, — императрица знает, что перед ней — не греки; она видит в своих собеседниках таких же жителей чужбины, как и она сама, и намекает им: жизнь на чужбине достаточна для горя, как вы сами это знаете» (с. 120). Прекрасный эпизод для сентиментального романа, но едва ли подобное рассуждение можно признать научным. Неужели, являясь греками, Комнины не могли быть близки с императрицей Марией? Разве у той же Анны нет достаточных сведений о том, как постепенно сближаются Комнины с Марией в политических целях? Ведь именно из политических соображений стараются Комнины породниться с Марией, Исаак женится на ее племяннице Ирине, а Алексея Мария усыновляет; причем обе стороны прекрасно знают, для чего все это делается, и, конечно же, здесь не играет никакой роли принадлежность к одной этнической среде. Что же касается того, что Комнины могли в какой-то мере считаться в Византии «жителями чужбины», «чужестранцами», такое соображение вряд ли можно принимать всерьез.

Особое значение придает Г. К. Гозалишвили тому месту «Алексиады», где Анна рассказывает о договоре братьев Комнинов с Марией. Обещая содействовать Марии всякий раз, как это ей понадобится, Комнины просят ее, чтобы императрица «считала их своими друзьями и земляками — людьми из одной с ней земли»¹⁷. Г. К. Гозалишвили делает как будто бы логический вывод: Мария — грузинка, и раз Комнины — ее земляки, люди из одной с ней земли, значит и Комнины — грузины. При этом автор считает, что если бы мы даже ничего не знали о каппадокийском происхождении Комнинов и о том, что каппадокийцы — это те же месхи, настойчивого подчеркивания Анной «соплеменности» грузинки Марии и Комнинов было бы достаточно для того, чтобы ставить вопрос о единстве каппадокийцев и грузинского мира; отсюда — вывод: понтийско-каппадокийские Комнины — не греки, а соплеменники грузинки Марии (с. 121).

Все это рассуждение не выдерживает критики: во-первых, неверно, будто Анна «несколько раз подчеркивает», что Мария и Комнины — земляки, — об этом она говорит лишь один раз, да и то передает слова отца и дяди. Во-вторых, если бы Мария и Комнины действительно были земляками, для чего было просить Марию «считать их своими земляками»? Ясно, что это просто своеобразная форма выражения своей близости и преданности императрице, и делать из этого столь далеко идущие выводы по меньшей мере неосновательно.

Следующим аргументом в пользу каппадокийского, а значит и грузинского, происхождения Комнинов, является то обстоятельство, что, по мнению Г. К. Гозалишвили, Комнины опираются исключительно на своих сородичей, происходящих из Малой Азии, преимущественно из Каппадокии.

Не будем касаться того, насколько несерьезно так ставить вопрос о том, на кого и почему опирались Комнины во время борьбы за власть и позже, во время своего правления¹⁸. Но весьма примечательно, что отнюдь не все те, кто окружал Комнинов и кого

¹⁶ *Anne Comnène. Alexiade (règne de l'empereur Alexis I Comnène 1081—1118). Texte établi et traduit par B. Leib, I. Paris, 1937 (далее — Anne Comnène), II, 2.*

¹⁷ *Anne Comnène, II, 2.*

¹⁸ По этому весьма сложному и давно дискутируемому вопросу см.: ВВ, XXV, 1964, с. 53.

Г. К. Гозалишвили считает каппадокийцами, в действительности были таковыми. Так, упомянутый Докиан был из Пафлагонии; Василий Куртикий, которого автор также считает малоазийцем-каппадокийцем (с. 122), согласно приводимому им же самим отрывку из сочинения Анны Комниной, «был родом из Адрианополя»¹⁹; Татикий, по словам той же Анны, «происходил от несвободных родителей. Его отец — сарацин — был взят в плен во время военного набега моим дедом со стороны отца — Иоанном Комнином»²⁰.

Одним из основных документов, доказывающих грузинское происхождение Комнинов, является близость Алексея Комнина с Григорием Бакурианидзе, близость, которая объясняется лишь тем, что оба они были грузинами (с. 132—133). Вновь союз двух могущественных византийских феодалов и вельмож, обусловленный исключительно политическими мотивами, объясняется этническим родством, конечно же, не играющим в данном случае никакой роли. Но мы хотели бы отметить одно обстоятельство. Г. К. Гозалишвили и в рецензируемой статье, и в другой работе, специально посвященной Григорию Бакурианидзе²¹, совершенно справедливо отстаивает грузинское происхождение последнего, однако он настолько увлекся желанием доказать грузинское происхождение Комнинов, что упускает из виду тот факт, что своей статьей целиком подрывает основы этого положения. Ведь если Комнины были грузинами, если их грузинское происхождение играло для них столь значительную роль, если отношения между Алексеем и Григорием основывались лишь на их этническом родстве, то дочь Алексея Анна не могла не знать точно, кем был по происхождению Бакурианидзе; она же, как известно, пишет, что он «происходил из знаменитого армянского рода»²². Как совместить эту, по мнению большинства ученых, ошибку Анны Комниной с ее грузинским происхождением? Вряд ли Г. К. Гозалишвили сможет ответить на этот вопрос.

Нам кажется, что все изложенное с достаточной очевидностью показывает, насколько несостоятельными оказались все аргументы и рассуждения Г. К. Гозалишвили, на каком не соответствующем требованиям науки методологическом уровне находится рецензируемая статья. Грузинский народ внес достаточный вклад в сокровищницу мировой культуры, значительна и роль различных деятелей-грузин в истории той же Византийской империи. Поэтому совершенно излишне объявлять грузинами тех, кто не имеет к ним никакого отношения. Такой ложно-патриотический подход к историческим фактам наносит лишь ущерб авторитету и престижу грузинской науки²³.

Н. Ю. Ломоури, Г. И. Гудушаури

Gy. Moravcsik. Einführung in die Byzantinologie. Budapest, 1976, 186 с. + XI табл. и илл.

Рецензируемая книга вышла в свет, когда ее автора уже не было в живых. 10 декабря 1972 г. скончался крупнейший венгерский византист, филолог-классик, источниковед и лингвист академик Дюла Моравчик. В творчестве Д. Моравчика соединялись широта научных интересов и стремление к досконально тонкому изучению источника. В не так давно изданном сборнике¹, включившем его статьи за 1926—1965 гг., фигурируют как собственно византиноведческие сюжеты, так и работы, касающиеся позднеантичной истории (свидетельства и легенды об Аттиле, страницы истории оногуров), судеб античного литературного наследия в Византии («Византий-

¹⁹ *Anne Comnene*, V, 5.

²⁰ *Ibid.*, IV, 4.

²¹ *Гозалишвили Г. К.* Григорий Бакурианидзе. — Мнатоби, 1970, № 2 (на груз. яз.).

²² *Anne Comnene*, I, 4.

²³ Мы не имеем возможности коснуться вопроса об этническом составе населения Каппадокии и вообще Малой Азии и показать всю необоснованность «теории» Г. К. Гозалишвили о том, что основным населением Каппадокии были грузинские племена и что «каппадокиец» и «грузин» (месх, чан) являются фактически синонимами. Этот вопрос требует специального разбора.

¹ *Moravcsik Gy. Studia byzantina*. Budapestini, 1967.